

АЛЕКСЕЙ
КОРНЕЛЮК

ГОД БЕЗ ДОСТИЖЕНИЙ

РОМАН

Алексей Корнелюк

Год без достижений

Серия «Поиск себя», книга 5

<https://litres.ru/74121598>

SelfPub; 2026

Аннотация

Павлу Трофимову тридцать пять. У него есть работа, отношения, квартира, планы и ощущение, что всё вроде бы нормально. Именно это и пугает.

Однажды на рабочей презентации Павел видит документ о том, как удерживать пользователей: тревогой, привычкой, страхом потери и обещанием будущей выгоды. И вдруг понимает: так устроено не приложение. Так устроена его жизнь.

Работа держит его статусом. Любовь — страхом одиночества. Мать — словом «нормально». Друзья — сравнением. А внутри давно звучит автоматическое: «Да, конечно».

Павел увольняется и решает провести год без достижений. Не становиться лучше. Не искать предназначение. Не доказывать никому свою ценность. Просто остановиться и понять, кто он, если перестать быть полезным, удобным и всё время идущим вперёд.

«Год без достижений» — роман о человеке, который отказался от гонки, чтобы впервые услышать себя.

Алексей Корнелюк

Год без достижений

Год без достижений

Павел Трофимов увидел свою жизнь на семнадцатом слайде. До этого были обычные корпоративные картинки: стрелки, воронки, проценты, довольные человечки без лиц, похожие на тех людей из инструкций по безопасности, которые всегда правильно падают, правильно горят и правильно эвакуируются из самолёта, если самолёт ещё не стал факелом. Семнадцатый слайд назывался «Карта удержания пользователя». Павел сначала даже не понял, почему у него внутри неприятно щёлкнуло, будто где-то за стеной включили старую проводку. Слайд был как слайд: белый фон, аккуратные блоки, серые линии, синий логотип компании в углу, который они уже третий год пытались сделать «более человечным», но он всё равно выглядел как печать на справке о смерти. В центре стоял круг с надписью «Пользователь хочет уйти». От круга расходились стрелки. «Напомнить о незавершённом действии». «Показать потерянную выгоду». «Активировать социальное сравнение». «Снизить тревогу выбора». «Предложить маленькую награду». «Вернуть в привычный сценарий». Всё это было написано тем спокойным языком, каким люди описывают вещи, за которые в другой эпохе могли бы хотя бы краснеть.

В переговорке на двадцать первом этаже было холодно. Не метафорически, а по-настоящему: кондиционер работал так,

будто мстил всем за глобальное потепление лично. На стеклянной стене отражались лица сотрудников отдела стратегий — бледные, аккуратные, слегка измученные, с выражением людей, которые давно научились внимательно смотреть туда, где им платят зарплату. У всех были ноутбуки, стаканы с кофе, телефоны экраном вниз, чтобы казалось, будто они здесь присутствуют добровольно. За окном висел город: высотки, мост, мокрые крыши, машины внизу, крошечные и занятые, как муравьи, которым забыли сообщить, что муравейник давно превратили в бизнес-центр класса А.

— Вот здесь, коллеги, важно не давить, — говорил Кирилл Сергеевич, руководитель продукта, человек с бородой, дорогими кроссовками и вечной интонацией психотерапевта, который на самом деле продаёт ножи. — Пользователь не должен почувствовать, что мы его удерживаем. Удержание работает только тогда, когда воспринимается как забота.

Кто-то кивнул. Кто-то записал. Кто-то сделал вид, что записал, а сам, наверное, отвечал жене, любовнику, курьеру или внутреннему судебному приставу, который у каждого взрослого сидит где-то между желудком и календарём.

Павел смотрел на слайд и вдруг подумал: мать тоже никогда не давит. Она просто говорит: «Ну как знаешь». И после этого «как знаешь» у него уже десять лет не было ни одного настоящего знания, только желание немедленно приехать, починить кран, купить таблетки, посидеть за столом, где пахнет луком, старым полотенцем и обвинением без формаль-

ного состава. Лена тоже не удерживала. Она просто молчала после его фраз «давай потом обсудим», и в этом молчании было больше архитектуры, чем во всём районе, где они снимали квартиру. Работа тем более никого не держала. Работа была современная, гибкая, с заботой о ментальном здоровье, корпоративным психологом по четвергам и возможностью выбрать цвет аватарки в системе отпусков. Но стоило представить, что он отсюда уйдёт, как внутри поднималось чувство, будто его выведут из тёплого освещённого здания в ночь, где на нём не будет ни должности, ни зарплаты, ни объяснения, почему он ещё имеет право считать себя взрослым человеком.

— Паш, ты с нами? — спросил Кирилл Сергеевич.

Павел поднял глаза. Все смотрели на него. Не все, конечно. В компаниях никто никогда не смотрит на тебя полностью: часть человека смотрит на экран, часть — на свою роль, часть — на то, не слишком ли долго ты молчишь. Но всё равно на секунду ему показалось, что переговорка стала линзой, а он оказался маленьким насекомым, которое кто-то решил рассмотреть из вежливого любопытства.

— Да, конечно, — сказал Павел.

Фраза вышла так быстро, что он сам не успел в ней участвовать. Это было даже не согласие. Это был рефлекс. Как моргнуть, когда в глаз летит пыль. Как втянуть живот в лифте с зеркалом. Как улыбнуться человеку, которого не рад видеть, но с которым ещё нужно когда-нибудь обменяться

чем-нибудь полезным.

— Отлично, — сказал Кирилл Сергеевич. — Тогда ты возьмёшь блок по мягкому возврату. Там надо тонко, без агрессии. У тебя хорошо получается писать человеческим языком.

Павел снова хотел сказать «да, конечно», но успел прикусить внутренний язык. Внешний остался цел. Он кивнул. Кивок был меньше фразы, но честнее от этого не стал.

На экране появился следующий слайд: «Пять причин, почему человек возвращается». Павел почему-то не мог оторваться от предыдущего, хотя его уже не было. Семнадцатый слайд как будто отпечатался с внутренней стороны века. Пользователь хочет уйти. Напомнить о незавершённом действии. Показать потерянную выгоду. Активировать социальное сравнение. Вернуть в привычный сценарий.

Он вспомнил, как Лена две недели назад сказала: «Нам надо понимать, куда мы движемся». Она говорила это не страшно, не истерично, не как женщины в плохих сериалах, которые обязательно стоят у окна в рубашке мужчины и требуют судьбы. Лена сидела на кухне в спортивных штанах, ела йогурт прямо из банки и держала ложку так, будто готова была ей защищаться, если разговор окончательно выйдет из-под контроля. Ей было тридцать четыре. Она работала архитектором интерьеров, умела видеть в пустой комнате будущий свет и совсем не умела видеть в Павле пустоту, если он аккуратно ставил перед ней слова, как мебель: «давай не

спешить», «сейчас сложный период», «у нас всё нормально», «просто много работы». Тогда она сказала: «Ты всё время говоришь “нормально” так, будто сдаёшь отчёт». Он обиделся. Не потому что она была неправа, а потому что точность вообще редко воспринимается как подарок.

— Сегмент тех, кто возвращается из чувства вины, нельзя перегревать, — продолжал Кирилл Сергеевич. — Если человек чувствует, что им манипулируют, он уходит уже окончательно. Нам нужно создать ощущение, что возвращение — его собственный выбор.

Павел посмотрел на руки. Обычные руки мужчины тридцати пяти лет: не рабочие, не красивые, не старые, с маленьким шрамом у большого пальца, который он получил лет в двенадцать, когда открывал консервную банку без открывалки, потому что отец сказал: «Мужик должен уметь». Отец умер семь лет назад, но фраза всё ещё иногда открывала в Павле банки, двери, кредиты и чужие ожидания. Мужик должен уметь. Мужик должен держаться. Мужик должен не ныть. Мужик должен понимать, что работа есть работа, любовь есть компромисс, мать одна, здоровье не вечное, деньги не лишние, а глупости нужно выбрасывать из головы до того, как они станут поступками. Павел вдруг подумал, что отец не умер окончательно. Он просто перешёл на внутреннее вещание без рекламы.

На слайде мелькнул график: пользователи, которые пытались отменить подписку, но вернулись после цепочки напо-

минаний. Линия ползла вверх. Все в переговорке оживились: линия вверх всегда действовала на корпоративных людей почти эротически. В ней было обещание, что всё не зря. Что холод, кофе, усталость, слова «гипотеза», «спринт», «глубинная мотивация» и «давайте приземлим» ведут не в пустоту, а хотя бы в квартальный отчёт.

Павел работал в «Навиуме» пятый год. Компания занималась тем, что помогала другим компаниям делать людей предсказуемее. Официально это называлось «проектирование пользовательских сценариев». Неофициально никто никак не называл, потому что за точные неофициальные названия в приличных местах обычно не платят. Они изучали, где человек сомневается, где устаёт, где хочет закрыть вкладку, где ему можно показать скидку, где — чужой успех, где — таймер, где — заботливое письмо «Мы скучаем». Павел когда-то даже гордился этой работой. Ему казалось, что он разбирается в людях. Потом оказалось: разбираться в людях на работе гораздо проще, чем хотя бы раз честно спросить себя, почему в воскресенье вечером у него так сжимается грудь, будто понедельник — не день недели, а человек с правом входить без стука.

— Теперь смотрите, — сказал Кирилл Сергеевич. — Самый тонкий слой. Пользователь не просто возвращается к продукту. Он возвращается к версии себя, которую продукт ему обещал. Тут важно не продавать функцию. Мы продаём продолжение идентичности.

Павел поднял голову.

Продолжение идентичности.

Он записал эту фразу в блокнот, хотя не собирался. По-черк вышел кривой: «продолжение идентичности». Рядом он машинально поставил точку. Потом ещё одну. Потом третью. Получилось многоточие, и он тут же разозлился на себя за эту мелодраму. В тридцать пять лет мужчина не должен ставить многоточия в рабочем блокноте во время презентации по удержанию пользователей. В тридцать пять лет мужчина должен понимать разницу между эмоцией и задачей, между усталостью и слабостью, между паузой и провалом. В тридцать пять лет мужчина уже обязан быть кем-то устойчивым, хотя бы достаточно устойчивым, чтобы не узнавать себя в схеме возврата клиента после попытки отменить подписку.

— Паша, ты точно с нами? — тихо спросила рядом Оксана из исследований.

Она сидела слева, пахла мятной жвачкой и дорогим кремом для рук. У неё были очень внимательные глаза человека, который всю жизнь изучал чужие ответы, но собственные вопросы держал в отдельной папке без доступа.

— Да, — сказал Павел. — Просто думаю.

— Опасно, — сказала она. — У нас это не согласовано.

Он почти улыбнулся. Почти — это вообще была его основная форма участия в радости. Полная улыбка требовала внутреннего согласия, а Павел давно жил на пробных версиях реакций.

Кирилл Сергеевич дошёл до финального блока. На экране появилось большое слово «ВЫВОДЫ». Под ним четыре пункта. Первый: «Не спорить с желанием уйти». Второй: «Поддержать тревогу, но не называть её тревогой». Третий: «Дать пользователю маленький контролируемый выбор». Четвёртый: «Вернуть в привычный сценарий до того, как он построит новый».

Вот на четвёртом пункте у Павла стало холодно уже не от кондиционера. Вернуть до того, как построит новый. Он вдруг увидел, как это работает везде. Город возвращает человека пробками и маршрутами. Квартира — тапками у двери, грязной кружкой, недоплаченным интернетом. Отношения — общими шутками, привычкой покупать один и тот же сыр, страхом объяснять родным, почему вы больше не вместе. Мать — голосом, в котором любая просьба уже заранее простила тебя, чтобы ты чувствовал себя ещё хуже. Друзья — вопросом «ну что у тебя?», где правильный ответ не подразумевает правды, только краткую сводку стабильности. Работа — календарём. Календарь вообще был величайшим устройством удержания, изобретённым человеком: аккуратные клеточки, в которых жизнь перестаёт быть страшной, потому что ей назначили время.

Он посмотрел в свой календарь на экране ноутбука. Сегодня: презентация по удержанию, встреча с командой креатива, согласование текстов, обед с Даней, созвон с подрядчиком, вечером — к Лене заехать в магазин за лампочками,

потому что в коридоре перегорели две из трёх и квартира стала похожа на учреждение, где ещё не решили, лечить тебя или уже списать. Завтра: планёрка, интервью с пользователями, звонок матери, стоматолог. Послезавтра: квартальный отчёт, ужин с друзьями. Всё было заполнено. Не плотно даже. Прилично. Как шкаф, где вещи лежат аккуратно, но если открыть не ту полку, на тебя вывалится десять лет чужой пыли.

— Вопросы? — спросил Кирилл Сергеевич.

Все молчали. Не потому что вопросов не было. Вопросы в корпорациях делились на три вида: те, которые задают, чтобы показаться вовлечённым; те, которые не задают, чтобы не получить задачу; и те, которые нельзя задавать, потому что тогда придётся увольняться, разводиться или хотя бы выходить на улицу без наушников. Павел почувствовал, что у него в груди есть вопрос третьего типа.

— Есть, — сказал он.

Голос прозвучал неожиданно громко. Оксана повернула голову. Кирилл Сергеевич оживился, как человек, который надеялся на хороший рабочий диалог, не подозревая, что сейчас в комнату может войти не диалог, а что-то босое и неуместное.

— Да, Паш?

Павел смотрел на экран. Там всё ещё висел пункт: «Вернуть в привычный сценарий до того, как он построит новый».

— А если пользователь не хочет возвращаться? — спросил он.

Кирилл Сергеевич улыбнулся. Улыбка у него была тренированная, гибкая, с амортизацией. Такой улыбкой можно было принять почти любой вопрос и безопасно положить его обратно в презентацию.

— Для этого мы и смотрим на причины ухода. Часто человек не хочет уходить от продукта. Он хочет уйти от фрустрации, которую связывает с продуктом. Наша задача — снизить фрустрацию.

— Нет, — сказал Павел. — Я не про фрустрацию. Если он правда не хочет возвращаться.

В переговорке стало чуть тише. Даже кондиционер, кажется, снизил обороты, чтобы послушать, чем закончится этот маленький несогласованный сбой.

— Тогда это не наш пользователь, — сказал Кирилл Сергеевич после короткой паузы.

Ответ был правильный. Чистый. Рабочий. В нём не было ни жестокости, ни сомнений. Только классификация. Если человек не возвращается, он просто больше не твой. Можно не скорбеть. Можно построить новый сегмент. Можно вынести его за скобки. В этом была вся утешающая мерзость аналитики: она не отрицала потерю, она просто меняла масштаб, пока потеря не становилась допустимой погрешностью.

Павел кивнул. На этот раз кивок был уже совсем чужой.

После презентации все начали вставать, собирать ноутбуки, шутить про кофе, переносить встречи, возвращаться в привычные сценарии с той скоростью, с какой тело возвращается к дыханию после кашля. Оксана задержалась рядом.

— Ты странный сегодня, — сказала она.

— В каком смысле?

— В человеческом. Обычно ты странный только профессионально.

— Это плохо?

— Для проекта — не знаю. Для тебя, возможно, полезно.

Она ушла, оставив после себя запах мяты и фразу, которую Павел не захотел поднимать с пола. Он остался в переговорке один. С экрана уже исчезла презентация; там снова была заставка с логотипом «Навиума» и слоганом: «Мы помогаем людям продолжать». Когда Павел впервые устроился сюда, этот слоган казался ему тёплым. Теперь он звучал как угроза, произнесённая голосом заботливого автоответчика.

Он закрыл ноутбук и вдруг заметил на столе бейдж. Свой. Прозрачный пластиковый прямоугольник с синей лентой, фотографией, штрихкодом и надписью: «Павел Трофимов. Отдел стратегий». Фотография была трёхлетней давности. На ней он выглядел свежее, чем сейчас, но уже достаточно уставшим, чтобы нельзя было списать всё на последние месяцы. Он взял бейдж в руку. Пластик был тёплый. Точнее, не тёплый — нагретый его же телом. Вот так и держат людей, подумал он. Сначала вешают на шею карточку, чтобы ты мог

проходить через турникет. Потом ты начинаешь думать, что без карточки тебя вообще никуда не пустят.

Телефон завибрировал. Лена.

«Ты сегодня во сколько?»

Он посмотрел на сообщение. Нормальный вопрос. Домашний. Без подтекста, если не знать их последние три года, а если знать — с таким количеством подтекста, что под ним можно было строить подземный торговый центр.

Павел начал писать: «Часов в восемь, давай заеду за лампочками». Потом стёр. Написал: «Не знаю». Снова стёр. Открыл заново клавиатуру. Пальцы зависли над экраном, как сотрудники отдела стратегий над пользовательским поведением. Нужно было снизить тревогу выбора. Дать маленький контролируемый ответ. Вернуть в привычный сценарий до того, как он построит новый.

Он усмехнулся. Очень тихо. Не весело.

В коридоре за стеклом прошёл Даня из креатива с двумя стаканами кофе и лицом человека, который считает цинизм разновидностью энергии. Увидел Павла, постучал костяшками по двери.

— Живой? — спросил он, просунув голову.

— Проверяю.

— Слушай, Кирилл сказал, ты берёшь мягкий возврат. Я тебе потом скину мысли. Там можно сделать классную цепочку: «Мы заметили, что вы давно не заходили». Ну, типа: мы не давим, но нам грустно.

— Нам грустно, — повторил Павел.

— Да. Люди любят, когда по ним скучают сервисы. У людей вообще проблемы с нежностью, поэтому даже приложение доставки может стать почти родственником.

— Почти родственники обычно тоже удерживают.

Даня прищурился.

— Ты сегодня философский. Это от недосыпа или от недостатка денег?

— От семнадцатого слайда.

— А. Бывает. Я однажды после презентации про финансовые привычки три дня не мог купить сыр без ощущения, что участвую в капитализме. Потом прошло.

— И как?

— Купил сыр дороже. Капитализм победил, но вкусно.

Павел кивнул. Даня ушёл, потому что у него была встреча, а у встреч есть удивительное свойство спасать людей от продолжения собственных мыслей. Павел остался. Телефон снова мигнул. Лена поставила вопросительный знак. Один. Не агрессивный. Но один вопросительный знак от близкого человека иногда тяжелее, чем налоговое уведомление. В нём нет текста, зато есть история.

Он написал: «Буду позже». Посмотрел. Добавил: «Надо кое-что доделать». Это была ложь, но из тех ложей, которые общество давно признало строительным материалом. Лена ответила не сразу. Потом прислала: «Ок». Две буквы. Маленькая капсула с ядом нормальности.

Павел вышел из переговорки. Коридор был длинный, светлый, с ковровым покрытием, который глушил шаги и, кажется, мысли тоже. На стенах висели мотивационные плакаты нового типа: без пошлых горных вершин и людей, прыгающих над пропастью. Здесь были аккуратные фразы на матовом фоне: «Сначала человек», «Сложное делаем понятным», «Рост начинается с внимания». Павел прошёл мимо них и впервые увидел не лозунги, а команды. Сначала человек — но какой именно? Сложное делаем понятным — чтобы с ним было проще работать? Рост начинается с внимания — чьего внимания к кому? В любой фразе, если смотреть достаточно долго, начинает шевелиться её настоящий хозяин.

У турникета он приложил бейдж. Писк. Зелёная стрелка. Разрешение на выход. Смешно: даже уход с работы требовал подтверждения, что система тебя узнала. Павел прошёл и остановился в холле. Люди входили, выходили, держали стаканы, сумки, телефоны, лица. У каждого была траектория. У каждого — причина. Или хотя бы календарь, который временно исполнял обязанности причины.

На улице начинался дождь. Мелкий, почти невидимый, тот самый, который не считается погодой, но через десять минут делает человека жалким. Павел не раскрыл зонт. Зонт лежал в рюкзаке, но достать его означало согласиться с тем, что дождь имеет к нему отношение. Он пошёл без зонта, чувствуя, как капли садятся на волосы, на воротник, на лицо.

Воздух пах мокрым асфальтом, выхлопами, кофе из ближайшей точки и октябрём, который ещё не наступил официально, но уже прислал своих людей проверить помещение.

Он дошёл до перехода и встал на красный. Рядом женщина говорила в телефон: «Да, мам, я заеду, конечно». Мужчина в пальто кому-то писал: «Без проблем, сделаю сегодня». Девушка с мокрыми волосами сказала в голосовое: «Мне нормально, правда». Павел стоял между ними и вдруг почувствовал, что город не шумит. Город отвечает. Миллионы маленьких «да» поднимались из машин, офисов, квартир, кафе, чатов, подъездов, как пар из канализационных люков. Да, конечно. Без проблем. Мне нормально. Как скажешь. Я разберусь. Потом. Не сейчас. Ничего страшного. Все так живут.

Загорелся зелёный. Люди пошли. Павел не пошёл. Не из протеста. Не из просветления. Просто ноги на секунду не получили команды. Поток обогнул его раздражённо и быстро, как вода обходит камень, который сам виноват, что лежит не там. Кто-то толкнул плечом. Кто-то выругался без адреса. Павел посмотрел на противоположную сторону улицы. Там мигала вывеска аптеки: «Заботьтесь о себе каждый день». Ниже — реклама кредита: «Начните новую жизнь уже сейчас». Ещё ниже, на остановке, плакат с улыбающимся мужчиной: «Ваш лучший год начинается с плана».

Он засмеялся. Один раз. Коротко. Так, что женщина рядом испуганно посмотрела и чуть отодвинулась. Смех полу-

чился не весёлым, а техническим, как звук ошибки в старой программе.

Светофор снова стал красным. Павел достал телефон и открыл заметки. Большой палец сам нашёл пустую строку. Он написал: «Год без достижений». Посмотрел на эти три слова. Они выглядели идиотски. Опасно. Почти неприлично. В мире, где даже сон можно было оптимизировать, а прогулку засчитать как заботу о продуктивности, фраза «без достижений» звучала как мелкое хулиганство против священного порядка взрослых людей.

Ниже он написал: «Проверка: что останется, если ничего не улучшать?»

Потом подумал и добавил ещё одну строку: «Не превращать это в проект».

Постоял. Стер последнюю строку. Она уже была проектом.

Загорелся зелёный. На этот раз он пошёл. Медленно. Не потому что понял что-то окончательно. Окончательные понимания вообще подозрительны: чаще всего это просто усталость, переодетая в философию. Он пошёл, потому что дождь усиливался, Лена ждала лампочки, Кирилл Сергеевич ждал блок по мягкому возврату, мать завтра ждала звонка, календарь ждал покорности, а где-то внутри, очень глубоко, под слоями чужих голосов и собственных оправданий, кто-то впервые за долгое время не сказал «да, конечно».

Он ничего не сказал.

И это молчание оказалось самым громким событием дня.

Глава 2. Да, конечно

Лампочки продавались в магазине «Домовой» между батарейками, удлинителями, крючками для полотенец и другими маленькими предметами, на которых держится иллюзия управляемой жизни. Павел стоял перед стеллажом с освещением и чувствовал себя человеком, которому предложили выбрать тип будущего по цоколю. Тёплый свет. Холодный свет. Нейтральный свет. Мягкий рассеянный. Энергосберегающий. Срок службы до пятнадцати тысяч часов. На упаковках улыбались комнаты: кухни, спальни, коридоры, гостиные — все они были наполнены правильным светом, который обещал, что если подобрать температуру свечения, то и внутри, возможно, перестанет быть похоже на склад несданных отчётов. Павел взял одну коробку, потом другую. На старой лампочке в коридоре у них была маркировка, которую Лена прислала фотографией, но фотография была размытая: палец, белое стекло, кусок её ладони и подпись «купи такие же, пожалуйста». Такие же. Взрослая жизнь вообще держалась на этом требовании: купи такие же, скажи как обычно, вернись вовремя, будь тем же человеком, которого мы вчера ещё как-то терпели.

Он открыл чат, увеличил фотографию, прищурился. Рядом женщина лет шестидесяти выбирала батарейки с выражением лица сапёра. В тележке у неё лежали губки, корм

для кота, рулон пакетов для мусора и календарь на следующий год с видами Италии. Видимо, Италия теперь продавалась как настенное обещание: двенадцать месяцев смотреть на места, где ты не находишься, пока выбрасываешь кошачий наполнитель в пакет повышенной прочности.

— Молодой человек, вы не знаете, эти подойдут для пульта? — спросила женщина, показывая упаковку батареек.

Павел посмотрел. На упаковке было написано ААА. На её старой батарейке, которую она держала в другой руке, тоже было ААА. Казалось бы, человечество могло справиться с этой задачей без привлечения постороннего мужчины. Но в её голосе было не про батарейки. Там было что-то старое, привычное: мир слишком быстро меняется, пульта становятся тоньше, дети звонят реже, продавцы куда-то исчезли, а человек с лицом сына чужой женщины стоит рядом и ещё не успел убежать.

— Да, подойдут, — сказал Павел.

— Точно?

— Точно.

— А то купишь, придёшь домой, а они не те. И обратно идти. У меня ноги уже не те.

— Эти те.

Она посмотрела на него с благодарностью, не соразмерной батарейкам.

— Спасибо вам.

— Не за что.

— Сейчас всё такое сложное стало. Раньше батарейки были батарейки. А теперь смотришь — и будто экзамен сдаёшь.

Он хотел сказать что-нибудь лёгкое, магазинное, безопасное. «Да, выбор большой». Или «зато технологии». Или «сейчас всё так». Вместо этого услышал собственный голос.

— Просто нас теперь везде заставляют выбирать, чтобы мы не заметили, что главное уже выбрали за нас.

Женщина посмотрела на него. Долго. Потом медленно положила батарейки в тележку.

— Вам бы отдохнуть, — сказала она.

— Мне уже говорили.

— Значит, видно.

Она покатила тележку дальше, в сторону пакетов и швабр, оставив Павла одного перед лампочками. Ему стало неловко. Не за фразу даже, а за то, что он произнёс её незнакомой женщине у стеллажа с энергосберегающим освещением. Есть мысли, которым не место среди бытовой химии. Они начинают выглядеть как психическое расстройство со скидкой по карте постоянного покупателя.

Он всё-таки выбрал две лампочки. Тёплый свет. Потому что холодного хватало на работе. На кассе молодая девушка с маленькой татуировкой на запястье пробила покупки и спросила:

— Пакет нужен?

— Нет.

— Карта магазина есть?

— Нет.

— Оформить?

Он уже открыл рот. Слово стояло наготове, как дрессированная собака.

— Нет, — сказал Павел.

Девушка не удивилась. Мир пережил его маленький отказ без видимых последствий. Потолок не обвалился. Очередь не зашипела. Система не выдала тревожный сигнал. Просто чек вылез из аппарата, тонкая белая кишка учёта, где было зафиксировано: две лампы светодиодные, одна жизнь не изменилась.

На улице дождь стал плотнее. Не ливень, а такая московская водяная пыль, которая не падает, а внедряется. Павел сунул лампочки в рюкзак и пошёл к метро. В переходе пахло мокрой одеждой, дешёвыми пирожками и человеческой спешкой. На стене висела реклама курса: «Стань новой версией себя за 8 недель». Ниже кто-то маркером приписал: «Старая ещё не оплачена». Павел остановился на секунду. Надпись была неровная, злорадная, почти нежная. Он хотел сфотографировать её, но не стал. Некоторые вещи умирают, если их превращают в контент. Они должны оставаться увиденными только одним человеком, и то случайно, иначе теряют сопротивление.

В вагоне не было свободных мест. Павел встал у двери, зажатый между мужчиной с рюкзаком, который пах мокрым собакообразным синтепоном, и девушкой с букетом цветов,

завёрнутым в бумагу цвета медицинской тревоги. Мужчина в наушниках смотрел видео с человеком, который объяснял, как вставать в пять утра и зарабатывать больше. Звук просачивался наружу: «Главное — дисциплина. Вы должны...» Должны. Должны. Должны. Метро шло под землёй, и казалось, что голос тренера из телефона разносится не по вагону, а по канализационным трубам города, где уже давно поселилась секта утренних победителей. У Павла завибрировал телефон. Кирилл Сергеевич.

«Паш, набросай сегодня до полуночи первые варианты мягкого возврата. Завтра в 10 обсудим».

Павел смотрел на сообщение. В обычный день он ответил бы за три секунды: «Да, конечно». В продвинутый обычный день: «Ок, сделаю». В особенно честный обычный день: «Попробую сегодня». Все три варианта означали одно и то же: я позволяю вашей срочности стать моей ночью. Он поднял глаза. В стекле двери отражалось его лицо: мокрые волосы, тёмные круги, слегка приоткрытый рот человека, который никак не может решить, он ещё едет или уже перевозится.

Телефон снова мигнул. Кирилл добавил: «Если не сложно».

Если не сложно. Великая фраза насилия в мягкой упаковке. Ею можно переносить встречи, чужие обязанности, эмоциональные грузы, родительские ожидания, семейные праздники и рабочие задачи на полночь. Если не сложно — значит, сложно тебе должно стать стыдно. Если не сложно

— значит, отказ будет выглядеть так, будто ты объявил себя мелочным. Павел набрал: «Сегодня не успею». Посмотрел. Стер. Набрал: «Могу завтра утром». Стер. Набрал: «Ок». Стер. Большой палец висел над клавиатурой, как маленький предатель с хорошей моторикой.

Рядом девушка с букетом сказала в телефон:

— Да, я почти приехала. Нет, нормально. Ну я же сказала, нормально.

В её голосе слово «нормально» было уже не словом, а белым флагом на грязной палке.

Павел написал: «Кирилл, сегодня не возьму. Завтра после планёрки могу обсудить сроки».

Он прочитал сообщение два раза. Оно выглядело грубо. Потом слишком мягко. Потом как заявление о независимости на языке человека, который всё ещё боится за премию. Он нажал «отправить» до того, как успел сделать из текста покорное животное.

Ответ пришёл через минуту.

«Ок. Тогда завтра».

И всё. Никакого взрыва. Никакого «Паша, мы рассчитывали». Никакого «не командный подход». Никакой чёрной метки от отдела кадров. Просто «Ок». Павлу стало даже обидно. Сколько лет он таскал в себе катастрофы, которые в реальности занимали три буквы и точку? Хотя точки Кирилл не поставил. Значит, возможно, всё-таки злился. Павел поймал себя на том, что пытается прочесть отсутствие точки

как приговор, и устало усмехнулся. Человек, выросший на недосказанной вине, способен найти обвинение даже в пунктуации.

Дома в коридоре горела одна лампочка из трёх, поэтому квартира встречала его половинчатым светом, как больница в экономичном режиме. Лена сидела на кухне за ноутбуком. На столе были чертежи, чашка с остывшим чаем, тарелка с двумя кусками сыра и яблоко, надкушенное так аккуратно, будто его не ели, а редактировали. Лена подняла глаза.

— Купил?

— Да.

— Спасибо.

Она сказала это спокойно. Не холодно, не тепло. В их отношениях давно появилась температура «комнатная»: вроде не мёрзнешь, но и согреться невозможно. Павел достал лампочки из рюкзака и положил на стол. Лена взяла одну коробку, посмотрела.

— Это такие же?

Он посмотрел на коробку. На её лицо. На лампочку. На слово «такие же», которое вдруг стало не про свет.

— Не знаю, — сказал он. — Похожие.

— Похожие или такие же?

— Лена, я не эксперт по лампочкам.

— Я просто спросила.

— Я просто ответил.

Она медленно положила коробку обратно. Вот так обычно

начинались их маленькие семейные войны без официально-го статуса семьи: не с измен, не с криков, не с разбитой посуды, а с предмета за двести девяносто рублей и неправильной интонации.

— Ты сегодня странный, — сказала она.

— Сегодня это уже третий отзыв.

— Может, стоит прислушаться.

— К потребительским отзывам?

— Паш.

Она произнесла его имя так, будто ставила стакан на край стола. Осторожно, но с ожиданием падения.

Он сел напротив. Кухня была маленькая, с серыми фасадами, которые они выбирали вместе два года назад, потому что серый «не надоест». Серый действительно не надоел. Он просто не начинался. На подоконнике стоял базилик, который Лена регулярно пыталась спасти, а Павел регулярно забывал поливать, и поэтому растение выглядело как метафора совместного быта, слишком очевидная даже для плохого романа. На холодильнике висел магнит из Калининграда, куда они ездили в отпуск и почти не ругались, если не считать последний вечер, когда Павел открыл рабочую почту за ужином, а Лена сказала, что море с ним разговаривает внимательнее, чем он с ней.

— У тебя что-то случилось? — спросила она.

— Нет.

— Тогда что?

Он хотел сказать «устал». Это было безопасно. Усталость у взрослых считается уважительной причиной почти для всего, кроме настоящих изменений. Устал — можно быть грубым, молчать, не хотеть секса, забыть купить хлеб, не звонить матери, ненавидеть человечество в пределах квартиры. Но усталость предполагает, что потом ты отдохнёшь и снова станешь прежним. Павел не был уверен, что хочет становиться прежним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.